

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a group of seven characters standing on the deck of a wooden sailing ship. From left to right: a young man in a tan tactical suit with a chest-mounted device and goggles; a young woman in a simple white dress; a robot with a green robe and glowing green eyes; an older man with a white beard and a red antenna; a large, muscular, bald man with a red scar on his forehead; a transparent, wireframe female figure; and a woman in a black and white cybernetic suit. In the background, a large volcano with a red plume of smoke rises from a landscape of ruins. Two colorful birds are flying in the sky.

Новая кожа для соломенной куклы

Винсент Ван
Швец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Винсент Ван Швец

Новая кожа для соломенной куклы

«Автор»

2026

Ван Швеc В.

Новая кожа для соломенной куклы / В. Ван Швеc — «Автор»,
2026

В тексте выражается глубокое осуждение любых дурманных препаратов, изменяющих сознание. Осуждаю их употребление и распространение. В отдалённом будущем технологии стёрли границы. Дэлхий. Мир, где природа стала смертоносной. Станис — мутант с аномалией. Февраль — суррогат, искусственная женщина, созданная для удовольствия и не имеющая прав. Их встреча — случайность. Их совместный путь — бегство от прошлого, от охотников и от самих себя. Никто из них не герой. Они просто пытаются выжить в мире, который не даёт на это ни единого шанса. Мрачный киберпанк о травме, предательстве и людях, которые не умеют любить.

© Ван Швеc В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встретились два одиночества	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Винсент Ван Швец

Новая кожа для соломенной куклы

Глава 1. Встретились два одиночества

ОТДАЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ

Холодный ветер гнал песок по пустынным проспектам, вычерчивая на асфальте зыбкие узоры. Полис, приткнувшийся к восточному склону истощенного временем хребта, жил под защитой кольцевой системы микроволновых установок. Этот невидимый щит — единственное, что удерживало губительную микрофауну пустошей за чертой города.

В сумраке засыпающего города неподвижно застыла одинокая фигура. Жилистый молодой человек в мешковатой одежде утилитарной моды низов, казался частью окружающего бардака.

Станис не отрывал взгляда от ночного неба. Вот уже десять минут он следил за едва уловимым движением «ястреба-наблюдателя». В его серых глазах монотонно пульсировал отраженный алый огонек бортового огня дрона.

Этот патрульный беспилотник с шестиметровым размахом крыльев имитировал своей конструкцией живую птицу. С высоты эшелона робот сканировал колоссальные площади, хотя пятно его активного сенсорного фокуса не превышало нескольких квадратных метров. «Ястреб» вычислял девиантные паттерны в периферийном зрении, анализируя траектории людей и транспорта. Если алгоритм распознавал признаки преступных намерений, оптика центрировалась на цели, мгновенно транслируя поток на пульт оператора-аналитика — живого звена цепи, уполномоченного вызвать оперативную группу.

Засечь «ястреба» в ночном небе было почти невозможно невооруженным взглядом. Но Станис, вооружившись тактическими видеоокулярами и знанием графика патрулирования, удерживал цель. Маленький белый маркер на сетчатке прибора вел полимерный силуэт в слоях смога, периодически теряя его. Наконец птица завершила вираж и начала уходить из сектора, следуя заложенному маршруту.

Глубоко вздохнув, Станис сдвинул окуляр на лоб и двинулся дальше. Ночь была непроглядной; переулочок сочился сыростью и ржавчиной, а тишина здесь казалась плотнее, чем фоновый гул микроволновых установок. Это было одно из тех гиблых мест, где людей грабят, насилюют и убивают — иногда именно в такой последовательности. Но отступать было поздно: кредит уже осел на счету дилера. Этот проклятый торговец смертью... Станис глубоко осуждал его. Миновав узкую улицу и постоянно озираясь, он скользнул в угрюмый переулочок. Там Станис извлек из внутреннего кармана куртки свернутый аппарат дополненной реальности, прозванный в народе просто «венком».

Развернув «венк», Станис закрепил его на голове. Устройство мгновенно приняло эргономичную форму, плотно прилегая к вискам, словно вторая кожа. Лазерные излучатели на концах дуг ударили точно в зрачки, и на периферии зрения возникло лазурное свечение — индикатор захвата фокуса.

Короткий пасс над ладонью — и в воздухе материализовался объемный интерфейс. Среди россыпи системных пиктограмм Станис выбрал иконку сообщений и привычным жестом «сбросил» её на асфальт: под ногами развернулась белая навигационная дорожка. Чтобы не терять время позже, он тут же вызвал карту района и отметил ближайший транспортный узел — ветку монорельса в квартале отсюда.

Приоритетная задача: эвакуироваться из зоны, а дальше — смена транспорта. Эту тактику Станис счел единственно верной. Проложив второй маршрут до станции, он продублиро-

вал его на поверхность тротуара; венчик автоматически окрасил новую линию в бледно-желтый, чтобы избежать путаницы в наслоениях дополненной реальности.

«Здесь реальность давно стала лишь подложкой для виртуальности», — мелькнуло в голове у Станиса.

Где-то в глубине квартала зазвенело разбитое стекло, за которым последовал надменный гогот местных отморозков. Нужно было форсировать эту «экспедицию», пока местная шпана не обратила на него внимания. Сохраняя спокойный, уверенный ритм шага, Станис углубился в переулочек.

«Главное — не посылать в эфир сигналы неуверенности, иначе неприятности сами найдут меня», — повторял он себе мантру.

Проход между бетонными блоками не сулил сюрпризов: горы прессованного упаковочного полимера да мусорный контейнер, у которого сиротливо застыл остов разобранного велосипеда.

— Надо бы, в конце концов, купить велосипед и ездить куда вздумается, — бросил Станис в пустоту, прекрасно осознавая: дело вряд ли пойдет дальше слов. Но он утешал себя тем, что проговорить намерения — это уже половина успеха.

Проходя мимо черного выхода одного из зданий, Станис на всякий случай дернул ручку. Дверь даже не шелкнулась, словно была приварена к проему. Пожарный шлюз: легко поддается изнутри, но снаружи — глухая броня. Световая полоса навигатора вела его к сточной решетке в центре переулочка. Подойдя к цели, он еще раз оглянулся и медленно склонился для осмотра.

Канал был наглухо забит разномастным технологическим сором. В воображении Станиса возникла картина того, как после редкого дождя улица превращается в полноводный канал с дрейфующими лодками. Даже в режиме усиленного сканирования венчик не фиксировал спрятанный пакет в наслоениях мусора. Оставалось одно — придется лезть на ощупь.

Выпрямившись, Станис занял позицию так, чтобы правая рука нависла точно над решеткой, и с усилием выпрямил пальцы. Из глубины стока донесся звук, будто резкий порыв ветра ворвался в узкое пространство и начал яростно ворошить отходы. В такие моменты Станис испытывал колоссальное нервное напряжение от аномальности собственной природы; от скачка внутреннего давления у него слегка заложило уши.

В детстве он рос слабым, болезненным ребенком. На медосмотрах его железы всегда выдавали критический минимум гормонов и секрета. Метаболизм был замедлен, а вместе с ним — и весь ритм существования. Он балансировал на грани признания ущербным аномалом — недоразвитым мутантом и изгоем. Воздействие техногенной среды и вездесущего патогена «Юдо» безжалостно уродовало тела выживших. Но Станису повезло: он был носителем экзотического излучения, ставшего его тайным инструментом. В остальном этот недочеловек удачно мимикрировал, ведя подчеркнуто рутинную жизнь.

Пальцы Станиса перебирали что-то невидимое в воздухе, и в такт этим движениям из решетки начали вылетать ошметки мелкого мусора.

Он старался держаться спокойно, но глаза метались по сторонам, выдавая напряжение. Спустя несколько секунд на его лице проступили отчетливые нотки тревоги.

— Где же это дерьмо, мать твою? — прошипел он.

В момент наивысшего отчаяния ладонь Станиса замерла, нащупав незримую цель. Он выгнул кисть, словно удерживая предмет одними подушечками пальцев.

— Наконец-то, — торжествующе ухмыльнулся он.

Движением, напоминающим паука, подтягивающего жертву за нить паутины, Станис начал вытягивать вожака находку из сливного отверстия. Десять секунд — и между прутьями, будто мордочка мелкого грызуна, показался флакон с прозрачной жидкостью. Станис

коротким рывком подбросил его в воздух, словно на невидимой резинке, и поймал на лету с таким видом, будто ничего не произошло.

— Стартуем отсюда.

Спрятав флакон в карман, он торопливо направился к выходу из угрюмого прохода, придерживаясь желтого навигационного луча. Мысленно он уже находился в своей жилой ячейке, заправляя раствор в ингалятор и под медленную мелодию погружаясь в симуляцию сна, отдавшись действию дельтарина. «Как ужасна и одновременно прекрасна эта великая загадка — гармоничная жизнь», — монотонно плыли мысли. Просто некоторые не способны существовать без суррогатного счастья.

Дельтарин был новым синтетиком, стремительно захватившим улицы благодаря дешевизне и неуловимости для лабораторных тестов. Станис глубоко и искренне осуждал эту заразу, которая превращала людей в настоящих животных и губила жизни перспективных граждан. Вещество раскрывало свой потенциал лишь при совпадении факторов: глубокой фазы дельта-волн человеческого мозга и погружения в виртуальную среду.

Недавняя политика верховной власти, направленная на тотальный запрет алкалоидов ради «оздоровления и повышения продуктивности общества», спровоцировала обратный эффект. Район, в котором сейчас находился Станис, никогда не считался благополучным, но с появлением дельтарина он превратился в по-настоящему гиблое место. Здесь едва ли не каждый второй сидел на синтетике. Ситуация усугублялась тем, что городские, обязанные искоренять заразу, сами покровительствовали дилерам. Это было непростительно.

Это можно было назвать законным оборотом наркотических средств. Станис глубоко осуждал все это. Он осознавал губительные свойства этого препарата и осуждал сам себя.

Миновав мусорный контейнер, Станис попытался обойти раскиданный ветром упаковочный материал, но с присущим ему «везением» вляпался в чьи-то экскременты. Прикусив губу, он сдержал поток грязных ругательств и лишь посмотрел в небо с таким видом, будто некто, наблюдающий за ним оттуда, в очередной раз не оправдал его надежд.

— Что ж, на счастье, — процедил он, сосредоточившись на очистке подошвы.

Внезапно Станис ощутил, как в его левую щиколотку мертвой хваткой вцепилась чья-то рука. Воображение мгновенно нарисовало клешню краба-мутанта из топей на границе Иттихада и Бхараты — тварь уже смыкала слюнявую пасть на его ноге. Проблемы с патологической мнительностью преследовали Станиса с детства, не отпуская и в зрелом возрасте.

В паническом оцепенении молодой человек сумел различить лишь темный силуэт костлявой руки, тянущейся к нему из груды мусора. Для подобных случаев у него был отработанный прием. Станис с силой сжал кулак, захватывая чужую конечность незримым капканом своего излучения.

Рука неизвестного в следующее мгновение окаменела, стиснутая невидимыми путами. Выставив кулак в сторону, Станис медленным, выверенным движением потянул запястье к плечу — и конечность противника, словно рука марионетки на привязи, послушно последовала за ним.

Он избегал резких движений, боясь потерять равновесие и рухнуть в грязь бесформенным мешком. Из-под завала коробок донесся жалобный стон, переходящий в истеричные конвульсии. Все это было частью приема, который Станис долго отрабатывал в теории, но до сего момента не проверял на практике — что, впрочем, его вполне устраивало.

Второй рукой он повторил захват, на этот раз фиксируя гипотетический корпус противника. Приняв устойчивую стойку на полусогнутых ногах, Станис с видимым усилием провел опрокидывающий маневр с полуразворотом туловища.

Бедолага кубарем вылетел из кучи полимера и, перевернувшись в воздухе, с глухим ударом врезался в мусорный контейнер. По тому, как обмякло тело, стало ясно: субъект в глубоком нокауте.

— Получил, да?! — с надменным превосходством в голосе выкрикнул Станис, указывая пальцем на поверженного.

Не сводя глаз с противника, победитель принялся отряхивать одежду дрожащими руками. Он понимал, что после такого воздействия человек не скоро придет в себя, а тем более решится на реванш. Впрочем, Станис продолжал коситься на тело — осторожность в этом секторе лишней не была.

Агрессор издал тихий стон и медленно свернулся в позу эмбриона. У Станиса подкатил ком к горлу. Гнетущий страх непреднамеренного убийства заставил его проверить состояние здоровья несчастного. Сделав пару шагов, он поднял с земли обрывок коробки и бросил в лежащего. Ожидаемой реакции не последовало.

Животный ужас мгновенно вытеснил недавнее торжество. Застыв на месте, Станис оцепенел, не в силах принять решение.

— Черт возьми, кажется, я его убил, — пробормотал он под нос. — Самооборона? Городовым плевать, упекут до конца дней. Хотя... если это просто бродяга, искать не станут. Нужно завалить тело коробками, здесь их никто не трогает. Крысы закончат остальное.

Пересилив тошноту, он приблизился к лежащему у бака человеку. Склонившись, Станис с изумлением обнаружил, что перед ним женщина. В густом сумраке детали стирались, но наряд незнакомки явно не соответствовал ни сезону, ни месту: короткое летнее платье после падения в мусор превратилось в грязные лохмотья. В голове свинцовой тяжестью заворочались догадки.

«Может, она лишилась жилья пару часов назад и не успела сменить одежду? Или просто заблудилась, а я...»

Он обхватил голову руками, едва сдерживая дрожь.

— Быстрее. Нужно спрятать её, пока «ястреб» не зашел на новый вираж. Иначе мне конец.

Брезгливость не позволила ему коснуться женщины руками, и Станис вновь использовал прикосновение своего излучения. В его воображении невидимые шелковые ленты обвились её тело, мгновенно затвердевая и превращаясь в стальные прутья — только так он мог менять вектор и плотность воздействия. Мощность излучения напрямую зависела от его физического состояния, поэтому перемещение объекта требовало немалых усилий. Девушка весила не более шестидесяти килограммов, но пот катился градом по лицу Станиса, пока он волок её к исходной точке.

Когда тело уже коснулось груди полимеров, раздалось тяжелое, надрывное стенание. «Хладный труп» оказался вполне живым — изрядно побитым, но дышащим.

«Какой же ты идиот, — с облегчением подумал Станис, вытирая лоб. — Даже пульс не проверил. Хорошо хоть расчленил не додумался, вот был бы сюрприз: "Мадам, не шевелитесь, я почти закончил"».

От сердца отлегло. Станис ослабил ментальную хватку, позволяя телу незнакомки обмякнуть. Девушка медленно сползла по стене, судорожно цепляясь пальцами за шершавый бетон. Тьма скрывала черты её лица, оставляя видимым лишь влажный отблеск уличного света в расширенных зрачках.

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — прозвучал надломленный, жалкий голос.

— Да я и не собирался... — он осекся, возвращая голосу жесткость. — Нечего хватать меня своими грязными руками, тогда и последствий не будет.

— Я просто хотела попросить поесть. Два дня ни крошки... — женщина всхлипнула, но сдержалась. — Прошу, если вы не поможете, я просто сдохну здесь от голода.

— Я тебе что, благотворительный фонд? Хочешь жрать — иди и купи. Отвали от меня, бомжара.

Бросив последний взгляд на мерцание её глаз, Станис развернулся и зашагал прочь. Сделав несколько шагов в темноте он вышел на открытое пространство и подставил лицо под мертвенный свет одного из трех уцелевших фонарей. Где-то над головой, надсадно гудя гравитационным приводом, проплывал гравиплан. На наборе высоты звук становился низким и пульсирующим.

— Низко идет. К дождю, — прошептал он.

В детстве он любил наблюдать за ласточками перед грозой. Птиц давно не существовало — их пытались воссоздать в лабораториях, надеясь вернуть планете утраченную биосферу, но проект «Возрождение» захлебнулся в крови и мутациях. Оригинальные виды вымерли еще до великой бактериологической войны. Эпоха Панфедерации, одержимая экспансией, стерла память о животных как о чем-то лишнем, не вписывающемся в государственную доктрину. Современность лишь завершила начатое: вездесущий патоген «Юдо» уродывал любую естественную жизнь как бог — черепаху, очередная беспощадная чума свалившаяся на этот прекрасный мир. Попытки магистров-биомантов вывести устойчивые гибриды породили лишь монстров, сошедших с экранов довоенных фильмов ужасов.

Станис ускорил шаг. Этот город не прощал задержек, а запах грядущего дождя обещал лишь новую порцию едкой сырости.

Где-то неподалеку, возможно на соседней улице, зашлась лаем бродячая свора — псы делили добычу или охраняли территорию. Времени на отвлечение не оставалось: использование излучения отзывалось в теле легкой свинцовой усталостью. Утром ждала изматывающая рутина, а до этого нужно было успеть распробовать дельтарин, доставшийся такой ценой. Осознав эту мысль, он глубоко осудил сам себя и всех кто был связан с созданием этой заразы, губителем души.

Станис еще раз взглянул на слепящий фонарь, и в этот момент его прошила внезапная догадка.

— Блеск её глаз... Что-то не так. Отражают свет? Как у кошки, но у человека. А человека ли?

Он вновь нырнул в маслянистую тьму переулка. Найти несчастную не составило труда: она сидела там же, привалившись к стене. Подойдя к поникшей фигуре, он подхватил её под руки, помогая подняться.

— Вставай. Я передумал, помогу тебе, — голос Станиса обрел непривычную мягкость. — Если голодна, идем со мной, накормлю. Но сначала выйдем на свет, нужно проверить, нет ли травм. Ты сильно ударилась при падении. Идем.

Обхватив незнакомку за талию и закинув её руку себе на плечо, он вывел её на освещенный пятачок улицы. Убедившись, что спутница держится на ногах, Станис отстранился.

— Позволь, я осматрю тебя. Это быстро.

Беглого взгляда хватило, чтобы понять: серьезных повреждений нет. Однако внешность женщины заставила его замереть. Перед ним стояла на редкость привлекательная особа лет тридцати. Резкие, скульптурные черты лица казались высеченными из камня, а пропорции тела поражали совершенством: длинные стройные ноги, изящная линия бедер и тонкая талия, подчеркнутая облегающим платьем.

Взгляд Станиса превратился в смесь удивления и острого любопытства. Аккуратно взяв женщину за подбородок, он заставил её повернуть голову к источнику света. В глубине её зрачков вновь мелькнуло то самое аномальное сверкание.

«Как я и думал — суррогат», — мелькнула в голове Станиса вспышка азартного восторга.

При детальном осмотре в радужке проступила отчетливая полоска светоотражающих клеток на сетчатке чуть выше зрачка — неопровержимая улика искусственного происхождения. Это не была дешевая полимерная оптика, которую легко опознать по характерному синтетическому блеску. Имплантация живых клеток в сетчатку — операция неоправданно слож-

ная и травматичная, а выращивание натурального глаза ради одного лишь эффекта отражения выглядело бессмысленным. В таких случаях проще и эффективнее ставить многофункциональные синтоглаза. Окончательный вердикт требовал более спокойной обстановки и качественного освещения.

Вариантов оставалось немного: клон, генная модификация или суррогат. Но клонам и «модам» никогда не наносили подобные маркеры. Эта полоска была не чем иным, как клеем геноскульптора. Значит, перед ним — бесправное существо, выношенное в чреве свиноматки.

Согласно конвенции Совета Наций Делкхия, человеком признавался лишь тот, кто прошел через естественные родовые пути женщины. Этот архаичный закон был отчаянной попыткой разрешить этический кризис, подрывающий основы социума. Когда создание жизни превратилось в конвейерный процесс, ценность личности девальвировалась. В обществе все еще тлела жажда исключительности, и закон провел черту между «изделиями» и «творцами». Признать их равными значило утратить самоидентификацию — ту самую «божественную искру», о которой твердили теологи. К тому же, плодить искусственных людей в мире, где избыток естественных стал обузой, не имело смысла. Суррогатов использовали на ранних этапах колонизации Иштар как инкубаторы, а здесь, на Делкхее, они служили лишь статусными органическими игрушками для сверхбогатой элиты.

«Детка, на тебе можно сорвать куш», — жадно прикинул Станис. Стоило лишь выйти на правильного скупщика «живого товара». Если клеймо на сетчатке принадлежит именитому геноскульптору, кредитов хватит на пожизненный запас дельтарина и целый гарем элитных секс-андроидов. Пальцы Февраль тронули его локоть, возвращая в реальность. Он дёрнулся, перехватил её руку и ускорил шаг, увлекая женщину к станции монорельса.

— Мы идем есть? — робко уточнила она. — Ты ведь обещал...

— Да, еда. Именно туда мы и направляемся. Скажи, у тебя есть имя?

— Меня зовут Февраль. Мой любимый называл меня Звездочкой, мне всегда казалось, это так забавно.

— Ясно. А я — Станис. Слушай, Февраль, сейчас мы сядем на поезд, он доставит нас к полноценному рациону. Но нужно поспешить, иначе всё съедят без нас. Так что помалкивай и шевели ногами.

Внезапно глаза девушки наполнились слезами, и по лицу потекли влажные дорожки. Решительный настрой Станиса сменился раздражением, когда он услышал всхлипывания. Резко обернувшись, он процедил:

— Ну что еще? Чего ты реवेशь?

— Я хочу домой! К друзьям, к нему... Чтобы он обнял меня, чтобы этот кошмар закончился. Я хочу просто поесть, отмыться и уснуть рядом с ним. Почему меня бросили здесь? Это место... оно отвратительное, холодное и грязное. Это просто ужасно.

— Насчет последнего я с тобой полностью согласен, — отрезал он. — Но тебе придется взять себя в руки, если хочешь выбраться из этой клоаки. Заткнись, иначе привлечешь тех, с кем тебе точно не захочется знакомиться.

Станис нервно оглянулся на темные проемы окон: истерика в таком районе была равносильна сигналу «обед подан» для местных хищников.

Но было поздно. Станис заметил, как из-за угла выкатился парень лет девятнадцати — по перекошенной физиономии было ясно: это не ночной променада ради здоровья. Попытка утащить Февраль в глубокую тень здания провалилась: истерика девушки вышла на новый виток.

— Ты обращаешься со мной так же грубо! — захлебываясь слезами, вопила она. — Сначала швырнул об стену, чуть не убил, а теперь даже не извинился!

— Извини, извини, только тише, — шипел он, пытаясь её урезонить.

— Обещал накормить, а сам схватил и тащишь в эту дыру, постоянно лаешься!

Станис зажал ей рот ладонью, но момент был упущен. Угрюмый панк вскинул голову и начал стремительно сближаться, не отрывая взгляда от их укрытия. В такие секунды душа обычно уходила в пятки; он не считал себя трусом, но осторожность вросла в его ДНК. Лысый, как коленка, маргинал заложил крутую дугу в сторону пары, внезапно прибавил ходу и... скрылся за ближайшим поворотом.

Шумно выдохнув, Станис с видимым облегчением пробормотал:

— Святые угодники, я чуть не кончился.

— Подумаешь, он просто катался на велосипеде. Ты что, боишься велосипедистов? — с ядовитым ехидством бросила Февраль. — Мужчина должен быть сильным. Таким, кто смотрит страху в глаза. Как мой любимый.

Пока она рассыпалась в сравнениях, её спутник лихорадочно сканировал периметр. Убедившись, что хвоста нет, он решил рвануть к монорельсу.

— Да-да, расскажешь всё на месте. А пока — бегом к платформе.

До лестницы оставалось всего ничего — пересечь перекресток с магистралью, вдоль которой тянулась эстакада. В голове мелькнула горькая мысль: «Куда вечно пропадают патрульные ястребы, когда они действительно нужны?» Пальцы уже нащупали в кармане универсальный поликарбонатный мультипропуск, когда тишину разрезал гул приближающейся группы электро-велотранспорта. Они шли по главной магистрали наперерез Станису с Февраль, но дистанция всё ещё казалась безопасной. Внезапно Станис почувствовал неприятное, навязчивое присутствие у себя за спиной. Он раздраженно отмахнулся от этого предчувствия, списав всё на разыгравшиеся нервы, и поспешил вперед, стараясь не оглядываться.

— Если не медлить, проскочим, — это были последние слова, которые Станис успел сказать Февраль перед тем, как тьма поглотила его сознание.

Очнулся Станис от тяжелого удара в солнечное сплетение. Воздух с хрипом покинул легкие; казалось, еще секунда — и он начнет харкать кровью. Пересиливая вспышку боли, он попытался сфокусировать зрение. Двое громил подхватили его под мышки и поволокли по асфальту, после чего рывком поставили на колени.

Вокруг застыли тени на кустарно модифицированных электробайках. Их вид не оставлял сомнений в намерениях: здесь и сейчас будет вершиться расправа. Станис медленно поднял взгляд от грязного дорожного полотна. Перед ним, восседая в низком кресле моноцикла, замер главарь банды.

«Не прикончили сразу и не обчистили, пока я был в отключке. Значит, готовят что-то похуже пыток», — с нарастающей паникой прикинул он.

— Вы в лапах мотоэкспроприаторов, — голос главаря звучал надменно. — На «ястреба» не надейся: здесь его мертвая зона, траектория патрулирования неизменна.

Свет падал на командира банды искоса, выхватывая лишь часть лица, но даже этого хватило, чтобы рассмотреть правильные, почти аристократичные черты и коротко стриженные светлые волосы. Это уязвляло: враг был не только сильнее, но и вызывающе красив.

— Вы вторглись на нашу территорию. Пора платить подушный и дорожный налоги.

У Станиса так пересохло в горле, что вместо слов из груди вырвалось лишь жалкое хрипение.

В десяти шагах справа послышался шум. Несколько молодчиков волокли Февраль за волосы, сопровождая каждое движение издевательскими пинками.

— Ха! Слышь, эта курва сразу дала деру, когда увидела, как я тебя вырубил, — подал голос панк, которого Станис узнал мгновенно. Лысый, со шрамом на макушке — тот самый, от которого они пытались скрыться в тениях. — Тупая шкура просто неслась по прямой, даже не пытаясь нырнуть в щель. Парни догнали её в два счета. А ты решил, я вас не заметил? Думал, подфартило? А тут — бум! Обожаю такие моменты. «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Главарь, которого Станис про себя окрестил Блондинчиком, неторопливой издевательской походкой подошел вплотную и с деланным пренебрежением оперся ладонью о его затылок, придавливая голову к ближе земле.

— Даже не знаю, что с вами делать, — высокомерно бросил он.

Проглотив вязкую сухость, Станис постарался придать голосу максимум покорности:

— Парни, забирайте всё. В кармане дельтарин, свежий хек. Но предупреждаю, эта зараза погубит ваше тело и разум. Только не убивайте. Обоссайте, если надо, только не бейте.

А бабу... забирайте её, делайте что хотите. Она всё равно не человек, паршивый суррогат, гхола.

Лицо Блондинчика на мгновение отразило удивление, которое тут же сменилось хищной ухмылкой. Он сорвал с головы Станиса видеоокуляры и, небрежно крутя их в руках, направился к женщине. На полпути он обернулся:

— А ты не расслабляйся. Я еще не решил, как поступить с тобой. Позиция у тебя как раз подходящая, чтобы обслужить всю нашу ганзу.

Осмотрев Февраль с ног до головы, главарь подозвал одного из подручных:

— Крюк, доверяю тебе право первого хода.

Тот замер в недоумении.

— Трахни её, придурок!

Февраль, парализованная ужасом, лишь дико вращала глазами. Выйдя из оцепенения, она рванулась в сторону, но двое охранников мгновенно скрутили её, нанеся короткий удар под дых. Крюк издал торжествующий вопль и, обернувшись к Станису, проорал:

— Ты следующий, урод!

— Погоди, — вмешался Блондинчик. — Для этого дерьма у меня есть предложение. Можешь уйти отсюда живым, если выполнишь условие. Сумеешь прокатиться на байке — свободен. Нет — тебе конец. Ну, что скажешь? На байке ездить умеешь?

— Да... конечно, — выдавил Станис, чувствуя, как в груди вспыхнула призрачная надежда. Тягостное оцепенение начало отпускать.

— Согласен?

— Да. Согласен.

Блондинчик прошел сквозь кольцо оцепления к ближайшей бетонной стене. Достав что-то из кармана, он принялся чертить по поверхности. Станис молча наблюдал за движениями главаря под аккомпанемент возни Крюка и приглушенных всхлипов Февраль. Закончив, Блондинчик отошел в сторону.

— Ну, вот твой байк. Садись, катайся.

На стене красовался по-детски несуразный рисунок велосипеда.

— Но как... он же нарисован? — пробормотал Станис, чувствуя, как надежда превращается в ледяной пепел.

— А меня это не колышет. Прокатишься — и ты свободен.

Глубины отчаяния поглотили Станиса. Рухнув на колени и упершись ладонями в грязный бетон, он задохнулся от беззвучных рыданий. Перед глазами зациклились кадры упущенных возможностей, вся серость его никчемного существования. Пальцы судорожно загребли пригоршню пыли, не убранной за последний месяц. Горькие слезы капали на руки, а в сознании кристаллизовалась последняя мысль — предсмертный хрип утопающего, которому больше нечего терять.

Он резко выпрямился. Спокойным, почти мертвым взглядом обвел застывших вокруг молодчиков и, широко разведя руки, на пределе возможностей высвободил накопленное излучение.

Резкий рывок кистей к центру — и вся уличная пыль вместе с мусором взметнулась в яростном вихре, мгновенно скрыв участников расправы в серой непроницаемой взвеси. Ста-

нис не стал ждать. Вскочив на ноги, он рванулся в сторону, где мгновение назад стоял Крюк. Различив в мутном мареве силуэт растерянного панка, Станис с размаху вложил всю ярость в удар. Кулак впечатался противнику точно в висок, и тот опал на асфальт, словно жухлый лист.

В голове пульсировала единственная директива: «До остановки. Добежать до остановки». Дезориентированный в хаосе, он инстинктивно бросился туда, откуда притащили Февраль.

Единственным препятствием на пути оказалась сама девушка. Она ползла по земле, совершенно не осознавая реальности, потеряв связь с пространством. Одурманенный адреналином Станис тоже едва соображал, понимая лишь одно — нужно вскакивать и бежать. Рациональнее всего было бросить обузу и спастись самому, но внутренний голос, дремавший в глубинах сознания, неожиданно проснулся и запретил оставлять её в этой мясорубке.

Используя остатки излучения, Станис подтянул женщину к себе и, обхватив её одной рукой, другой резко оттолкнулся от земли. Чтобы сэкономить драгоценные секунды, он поднял их обоих, не сгибая колен — аномалия сработала подобно гидравлическому домкрату. Это было похоже на быстрое, рваное скольжение вверх. Усилие далось ему ценой колоссального перенапряжения, словно на плечи обрушилась свинцовая плита.

Оказавшись на ногах, они рванули к монорельсу. Теперь Февраль двигалась увереннее, и уже Станису приходилось опираться на неё, чтобы не рухнуть. Банда оттащила их совсем недалеко от станции — до спасительной платформы оставалось полминуты бега. Главное — не сбавлять темп.

Пылевая завеса за спиной осела. Отморозки не сразу сообразили, что произошло, пока тишину не пререзал яростный вопль:

— Крюка вырубил!

Блондинчик выкрикнул приказ, и панки, обуянные дикой злобой, бросились в погоню. Доносившиеся до беглецов угрозы сулили мучительный конец, и эти выкрики действовали лучше любого стимулятора, заставляя бежать на пределе возможностей. Если бы Февраль знала город, она наверняка бросила бы Станиса, но полная топографическая слепота заставляла её держаться за своего единственного проводника.

Достигнув лестницы, пара начала лихорадочный подъем к герметичному пропускному пункту. Еще на бегу Станис начал шарить в кармане, выуживая поликарбонатный пропуск. Пальцы, сведенные судорогой паники, едва не выронили прозрачный пластик. Дрожащей рукой он прижал карту к сенсору. Экран мигнул сухой благодарностью за пользование услугами городского монорельса.

Вваливаясь в шлюз, Станис краем глаза заметил первых преследователей, уже взлетевших на маршевую лестницу. Тяжелая створка с шипением отсекала их от внешнего мира, и в следующую секунду разъяренные выродки с размаху врезались в бронированную перегородку.

Как бы банда ни бесновалась, бронированный полимер не поддавался — лишь глухое дребезжание створки свидетельствовало о бессильной ярости снаружи. Наконец, ощутив призрачный укол безопасности, Станис осознал, что рухнул не на грязный пол платформы, а прямо на свою спутницу. Приподняв голову, он уткнулся лицом в её грудь, ощущая податливую мягкость плоти. В этом положении, задыхаясь от пережитого марафона, они замерли, казалось, на целую вечность.

— Ты уверен, что они не прорвутся? — тревожно прошептала Февраль.

Станису мучительно не хотелось шевелиться и менять позу, но игнорировать вопрос было нельзя.

— Эти подонки — худший биомусор мегаполиса. Животные в человеческом облики, а звери не пользуются муниципальным транспортом. Точнее, у них нет аккредитации на доступ. Вонючие выродки считают, что они выше оплаты проезда, раз у них есть «байки», — последнее слово он выделил едкой интонацией.

Поднявшись и обернувшись к беснующейся шпане, Станис вскинул руку в непристойном жесте.

— Жрите дерьмо, ублюдки! — презрительно бросил он в сторону прозрачного барьера.

Медленно восстанавливая ритм дыхания, пара двинулась к центру посадочного модуля. Вглядываясь в густую мглу, куда уходили рельсы, Станис молился о скором прибытии состава. Если пассажирские гравипланы часто сбивались с графика из-за помех в эшелонах, то моно-рельс всегда славился машинной пунктуальностью.

Вагон не заставил себя ждать. Последним, что они услышали перед тем, как герметичные двери состава отсекали звуки внешнего мира, был затихающий лай панков: обещания найти их повсюду и совет никогда не возвращаться в этот сектор.

Вагон плавно рассекал пространство между высотками, фасады которых полыхали голографической рекламой. Разноцветные острова света стремительно проносились по обшивке, выхватывая из темноты силуэты застывших в объятиях беглецов. Казалось, любой резкий звук способен вдребезги разбить их хрупкое, новообретенное спокойствие.

Едва Станис сделал шаг к противоположной скамье, как его накрыла тяжелая волна слабости. Организм выдал закономерную реакцию на адреналиновый шторм и запредельный стресс: на смену мобилизации пришло тотальное бессилие. Ноги предательски подкосились, превратившись в вату. Осознав, что не удержится, он вцепился в поручень и, подтянувшись на остатках сил, рухнул на ближайшее сиденье у входа.

Февраль осталась стоять, мертвой хваткой вцепившись в металлическую стойку — только это не дало ей осесть на пол. В пустом салоне не было ни души. Станис бессмысленно сверлил взглядом проносящийся за окном индустриальный пейзаж, пока Февраль гипнотизировала грязное покрытие пола.

Он пришел в себя, лишь когда состав замер на очередной станции.

— Нам далеко, в другой конец мегаполиса. Проложу маршрут до моего жилого массива.

Виртуальная разметка пронизывала город насквозь, опираясь на квантовое ионно-резонансное отражение. Станис привычным пассом активировал «венки», и на полу вагона вновь развернулась мерцающая навигационная дорожка.

Всё это время Февраль никак не реагировала на его слова. Лишь когда поезд в очередной раз замедлился, она испуганно оглядела пустую платформу и, не заметив угрозы, медленно повернулась к спутнику.

— Мы едем в безопасное место?

— Да. Ко мне. Есть возражения?

Февраль едва заметно качнула головой. Сверившись с виртуальной картой на ладони, Станис коротко бросил:

— Осталось немного. Скоро наша станция.

На потолочной панели высветилось время: пятнадцать минут в пути. Рекламный блок сменился презентацией станции — голограмма демонстрировала местную достопримечательность: памятник Первопроходцам, покинувшим убежища. Лица фигур светились восторгом перед «новым миром». Знай эти люди, какой финал их ждет на самом деле, вряд ли они выглядели бы такими счастливыми.

— Поднимайся. Наш выход.

Станис уже взял себя в руки и смог встать без посторонней помощи, хоть и с видимым усилием. Свинцовая усталость никуда не делась, а впереди еще тянулся маршрут. Помог Февраль подняться, и вместе они вышли на платформу. Спустившись по лестнице, Станис нетопливо побрел вдоль виртуальной линии, а спутница послушно засеменила следом.

— Придется пройти еще несколько кварталов. Осталось недолго, — произнес он, словно убеждая самого себя.

Этот сектор выглядел куда приветливее той клоаки, из которой они вырвались. Район представлял собой наслоение эпох. От довоенного центра после войны Панфедерации почти ничего не осталось. В тот период здесь возвели монументальный промышленно-технический кластер — иначе тогда строить не умели. Теперь же, после экологического коллапса и векового забвения, гигантомания прошлого обветшала: бетонные колоссы буквально рассыпались без надзора. Многие ветхие корпуса снесли, заменив их современными деловыми и жилыми модулями. Зачастую на месте одного старого строения выросло несколько современных — настолько несоразмерно огромными были постройки Панфедерации. Почти каждая крыша теперь была увенчана пестрой анимированной рекламой, заливающей улицы неоновым светом.

В отличие от крыш, проспекты были заполнены лишь статичными изображениями. Закон жестко ограничивал анимацию на уровне глаз, чтобы не перегружать внимание участников движения и не провоцировать аварии. Рекламные щиты превратились в абстракции: отвлеченные логотипы и человеческие фигуры, больше напоминающие элементы декора. Никаких надписей. Эта вынужденная умеренность стала ответом на эпоху агрессивного вирта, едва не сводившего горожан с ума.

— Отсюда всё выглядит иначе, не так, как сверху, когда я пролетала над городом. Всё такое... подавляющее, — голос Февраль прозвучал приглушенно.

У Станиса в горле встал ком.

— Значит, ты когда-то пролетала над этими секторами?

— Я не уверена, что именно над этими — они все так похожи. Но, возможно, бывало. Сверху всё кажется мелким, незначительным. Люди и транспорт суетливо копошатся внизу... Меня это всегда забавляло.

— А ты помнишь какие-нибудь ориентиры? Точку старта? Характерные здания или шум?

— Нет. Мы просто садились в гравиплан, купол ангара раздвигался, и мы уходили в небо. Единственное, что помню: рядом с моим домом вообще не было таких колоссов, как эти.

Оставшуюся часть пути они преодолели в полном молчании. Станис хмурился — то ли от слов Февраль, то ли от страха потерять дельтарин. Он то и дело шарил в кармане, проверяя флакон.

Наконец впереди показались ворота его жилого блока.

Наконец Станис с Февраль достигли жилого массива. Комплекс представлял собой серию модульных конструкций, расширяющихся кверху и переплетающихся между собой, — визуально это напоминало техногенный лес, где кроны бетонных деревьев смыкаются в вышине.

Внизу, в пространствах между «стволами», теснились спортивные и детские площадки, залитые светом вытянутых подвесных светильников.

На фасаде пульсировало неоновое название — «Ивовая аллея», а под ним люминесцентная краска выводила девиз: «Дом там, где тебя любят и ждут».

«Иронично», — подумал Станис, вспоминая, что массив почти целиком заселен одиночками. Хотя он знал об одной ячейке, где ютились сразу шестеро. Что они забыли в этом секторе?

Резкий порыв ветра едва не сбил с ног, словно выталкивая с улицы в защищенное нутро здания. Под ударами стихии куртка взметнулась, подобно синему плащу, и Станис на миг почувствовал себя героем старого нуарного кино. Он подставил ладони потоку, позволяя ветру скользить меж пальцев, пытаясь уловить его вольный, необузданный нрав.

— Демоны приходят с ветром, — едва слышно пробормотал он.

— Д-д-д-олго еще? — раздался за спиной дрожащий голос.

Станис обернулся: Февраль совсем замерла, съежившись под ледяными порывами. Не раздумывая, он стянул куртку и набросил ей на плечи.

«Лишние хлопоты, если она подхватит заразу. Нужно защищать свои инвестиции», — оправдался он перед самим собой.

Он стоял и наблюдал, как она, дрожа, заворачивается в его куртку, путаясь в слишком длинных рукавах. В этот момент Станис поймал себя на чувстве, абсолютно неуместном в его положении. Сочувствие. Это было недопустимо — ведь впереди его ждала сделка по продаже этого «имущества».

— Пойдем быстрее, третья модульная колонна совсем рядом. Не стоит задерживаться на улице в такой час. Здесь нет отмороженных банд, но недавно в секторе объявился маньяк. Он выбирает одиночек, которым не повезло оказаться в ненужном месте. Видела бы ты, что он делает с жертвами... Словно стая бродячих псов поработала. Не будем искушать судьбу.

Они ускорили шаг. На одной из интерактивных детских площадок двое нетрезвых субъектов весело наблюдали за эротическим танцем полуобнаженной голограммы, которую они интегрировали в систему, взломав коды доступа. Подобные цифровые «дыры» давно гуляли по сети, и дети, приходя играть с виртуальными бабочками, нередко натывались на неприкрытую вульгарность. Станис прошел мимо, даже не повернув головы. Февраль же, напротив, замерла, глядя на действо с болезненным любопытством.

— У вас всегда такое транслируют на улицах?

— Время от времени, — безучастно отозвался Станис. — Не обращай внимания. Это просто повзрослевшая версия той шпаны, что мы встретили полчаса назад. Что-то в этом мире никогда не меняется. Хоть какая-то стабильность.

Станис приложил унипропуск к терминалу, и створка с тяжелым вздохом отъехала в сторону.

— Заходи.

Внутреннее пространство колонны представляло собой колоссальный полый цилиндр — становой хребет всей модульной конструкции. В осевой пустоте скользили две кабины лифта, а по внешней стороне спиралью уходила вверх самодвижущаяся дорожка. Двери лифта бесшумно разошлись, принимая пару внутрь.

Пока лифт стремительно набирал высоту, Станис боролся с накачивающим волнением. Теснота кабины и близость столь эффектной женщины рождали в нем бурю неуместных эмоций; сердце колотилось о ребра, угрожая проломить грудную клетку. Чтобы сбить напряжение, он решил нарушить тишину.

— После сегодняшнего «приключения» точно возьму энергокастет. Только не гражданскую версию из открытого доступа, которая лишь щекочет убудков, а перепрошитый, с выкрученной мощностью. Чтобы сразу наповал.

«Зачем я ей это вываливаю?» — тут же одернул он себя, поймав на лице Февраль полное непонимание.

— Что не так?

— Энергокастет... Это что вообще? — растерянно переспросила она.

Лифт замер, выпуская пассажиров на ярус. Преодолев короткий коридор, Станис остановился у своей двери.

— Похоже, ты вообще ничего не знаешь о реальности. Будто с необитаемого острова свалилась.

— Я живу в большом доме, мы часто выходим на мероприятия, — возразила она. — Просто я общаюсь с людьми, которые говорят на нормальном языке.

— А, ну понятно. Входи. Но не обольщайся: ты здесь временный гость.

Станис активировал полимерную створку и шагнул в жилую ячейку. Пространство было спартанским: общая комната с панорамным овальным окном, совмещенная с кухонным модулем и крошечным сантехническим отсеком.

— Свет, — скомандовал он.

Потолок тут же залило сияние имитации дневного неба с редкими белыми облаками.

— Раздевайся и дуй в душ. От тебя несет, как от свалки. Я поищу что-нибудь из своих вещей — всё лучше, чем твои обноски. Пока моешься, соображу поесть. Я обещал.

Февраль осторожно проскользнула в душевой отсек и задвинула перегородку. Оказавшись в узком пространстве, она замерла перед зеркалом с мягкой подсветкой. Какое-то время она неподвижно всматривалась в отражение своих бездонных голубых глаз, словно пытаясь разглядеть на дне зрачков ответ на вопрос: кто же она на самом деле?

Февраль с трудом стянула через голову изувеченное платье. Не обнаружив в тесном отсеке крючков, она высунулась наружу, чтобы окликнуть хозяина ячейки.

— Куда мне деть вещи?

— Что? — отозвался Станис, не оборачиваясь.

— Куда бросить одежду?

— А, да кидай прямо на пол. Потом отправлю этот хлам в утилизатор. Твои обноски теперь годятся разве что на ветошь.

Избавившись от белья, Февраль вновь замерла перед зеркалом. Её некогда безупречное, холеное тело теперь «украшали» багровые гематомы и сеть ссадин. Зрелище было удручающим. Оборвав сеанс самосозерцания, она шагнула в кабину и выставила температуру. Тонкие струи поначалу обожгли кожу, но вскоре сменились обволакивающим теплом. Этот душ был ей жизненно необходим: вода словно смывала наслоения ужаса и грязи, скопившиеся за последние часы.

Закончив, она воспользовалась абсорбирующим нановолоконным полотенцем. Растирая влажные волосы, Февраль осознала, что обещанной сменки в зоне доступа нет. Обернувшись полотном, она приоткрыла перегородку и заглянула в кухонную зону. Станис замер, привалившись к дальней стене, и с напускным безразличием выпускал изо рта тонкую струйку белесого дыма.

— Ты обещал одежду, — напомнила она.

Спохватившись, Станис поспешно привел себя в порядок и направился к встроенному в нишу модульному шкафу. Порывшись в секциях, он извлек комплект белья, широкие штаны и майку. Февраль скептически окинула взглядом поношенные мужские вещи.

— Во-первых, я не обещал тебе «новую» одежду. Вот это более-менее подойдет, а если не нравится — ищи сама.

Она придирчиво осмотрела ткань и едва заметно кивнула:

— Не предел мечтаний, но сойдет.

— Еда готова. Переодевайся и будем харчеваться.

Пока Станис тактично отвернулся к плите, девушка сбросила полотенце и быстро натянула трикотаж.

— Я готова, — подала она сигнал.

— Падай на диван-подушку и подтягивай столик, как удобно.

Станис вышел из кухонной зоны, балансируя двумя порциями разогретого пайка. Он выставил контейнеры на стол и небрежным жестом пригласил гостью к позднему ужину. Меню не блистало изысками: грибные котлеты с имитацией мясного вкуса и спагетти из водорослей под синтетическим томатным соусом. Февраль набросилась на еду так, словно голодала неделю. Опустошив свою пластиковую емкость в считанные мгновения, она с напускной скромностью уставилась на его порцию.

— Ты будешь это доедать? Если нет... я бы могла, — она выразительно указала пальцем на нетронутый контейнер.

Станис одобрительно кивнул, продолжая втягивать дельтарин через ингалятор.

— Забирай. У меня что-то нет аппетита.

Покончив со второй порцией, Февраль вольготно откинулась на диван. Хозяин ячейки смущенно кашлянул.

— Штаны надевать не планируешь? — Он помедлил, сглотнул и добавил: — Впрочем, тебе и так идет. Пожалуй, даже лучше.

— Я решила, что этого минимума достаточно. И не переживай, что твои вещи мне не по размеру, — она оттянула резинку белья и отпустила: с сухим шлепком ткань мгновенно приняла форму её тела. С майкой Февраль проделала то же самое, натянув её вниз. Теперь одежда сидела как влитая, вызываяще подчеркивая каждый изгиб.

— Хм, совсем забыл про функции «умного» трикотажа. Унисекс правит миром... Ладно, пока располагайся на диване, но спать будешь на полу. И вот еще что: мне нужно сфотографировать твои глаза.

— Мои глаза? Зачем? — в голосе девушки промелькнуло недоумение.

— Ничего особенного. Просто прогоню снимки через базы данных — вдруг тебя ищут. Так мы вычислим твой адрес и вернем тебя домой.

— Это звучит замечательно! — Февраль едва не подпрыгнула на месте от охватившей её надежды. — Тогда не медли, делай это скорее!

Станис настроил «венк» на макросъемку. Короткая вспышка на мгновение ослепила девушку.

— Готово. Сейчас всё проверю, — бросил он, разворачивая снимок.

Увеличив проекцию, он всмотрелся в сетчатку. Светоотражающая подпись автора проступила отчетливо: «Альберто Матераззи». Имя ни о чем ему не говорило — это мог быть как легендарный мастер, взвинчивающий цену лота до небес, так и заурядный ремесленник. Проверка по гражданской базе пропавших лиц, как и ожидалось, выдала нулевой результат. Этот факт принес Станису странное облегчение.

— К сожалению, совпадений нет, — разочаровал он Февраль, сползая на пол и прислоняясь спиной к дивану. — Ночной режим освещения.

Пространство над головой преобразилось: теперь под потолком медленно скользили тени рыб, а сама поверхность имитировала толщу океана, сквозь которую едва пробивались солнечные лучи. Касанием «венка» Станис превратил окно в видеозэкран. Не зная, на чем остановиться, он выбрал историческую хронику, выкрутив звук на минимум.

Панель скорректировала яркость под атмосферу комнаты. Станис продолжал мерно втягивать дельтарин. Он прекрасно понимал разлагающее свойство препарата, но именно к этому и стремился, потакая жажде саморазрушения. Какое-то время они сидели неподвижно, завоороженные мерцанием экрана. Наркотический пар медленно заполнял ячейку, причудливо преломляя свет в сизых клубах. Это хрупкое умиротворение нарушил неуверенный голос Февраль:

— Скажи... ты правда отдал бы меня им? Бросил бы там?

Вопрос был из тех, на которые не хочется отвечать честно, но Станис умел держать удар.

— А ты действительно дала деру, пока я валялся в отключке? — он перевел взгляд на спутницу. — Не думаю, что уместно ворошить это сейчас, когда всё позади. Каждый спасал свою шкуру. Главное, чтобы в следующий раз подобное не повторилось.

Оба замолчали, погрузившись в тяжелые думы под неспешный такт виртуальных волн.

На экране развернулась панорама сказочного южного курорта: ослепительный песок, лазурный океан и низкие белые виллы, залитые полуденным солнцем. В центре кадра на пляже расположилась обворожительная обнаженная модель, чья золотистая кожа буквально светила под лучами. Было очевидно, что её тело и генокод подверглись глубокой художественной доработке. Видеофильтры довершали образ, превращая женщину в неземное видение. Но это была не цифровая кукла, а реальный человек — её выдавали едва заметные погрешности в движениях, отличные от стерильной пластики синтетических аватаров. Сейчас натуральные модели снова вошли в моду: их легкое несовершенство придавало рекламе особую пикант-

ность. Станис не любил официальные термины вроде «несинтетическая», предпочитая в мыслях более приземленные определения для таких эффектных дам.

— Я бывала в подобных местах, но никогда не интересовалась названиями, — прокомментировала Февраль, не отрывая взгляда от экрана. — Сейчас кажется, что я почти ничего не знаю о мире. Раньше мне хватало тех обрывков разговоров, что я слышала каждый день.

У Станиса стало гадко на душе; в нем шевельнулось уязвленное чувство собственного достоинства. «Ничего, — успокаивал он себя, — через пару минут я тоже окажусь на горячем песке».

— Пожалуй, пора закругляться и ложиться спать.

Он взглянул на девушку: та уже тихо посапывала, уютно устроившись на его диване.

— На сегодня хватит, — произнес хозяин ячейки, устраиваясь на полу.

Он переключил потолок в режим звездного неба и приложил «венки» к интерфейсному разъему в основании черепа. Устройство плотно прилипло к коже, готовое транслировать киберновидение.

— Сон. Курорт Великого архипелага, — задал параметры Станис и мгновенно провалился в симуляцию. Телеокно медленно погасло, погружая комнату в тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.